

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Аже самые отъявленные скептики придерживаются трех основных правил: запирать двери в ночь солнцестояния, никогда не называть свое полное имя чужаку и не гулять по лесу после наступления темноты.

Хотя, пожалуй, формально мы и *не* гуляли.

Только Делия отважилась бы пропустить мимо ушей предостережения, которые передавались нашими предками с тех времен, о которых ведают лишь звезды. И толпа всегда следует за Делией, куда бы она ни направилась. «*Народец забирает только тех, кого сможет поймать*». Но вот мы здесь, практически у них под носом. Грэн убила бы нас, если бы узнала.

Свет от костра отбрасывает мерцающие тени на лица, искажая их в темноте, небольшой компании учащихся средней школы, которых я знаю всю свою жизнь. Мы расположились на небольшой поляне в лесу: некоторые из нас сидят на пнях или валунах, а нескольким опоздавшим пришлось довольствоваться местами на земле. Их голоса то повышаются, то затихают, растворяясь в звуках леса, подобно стрекоту цикад. Из-за густого летнего зноя пышущий жар от

огня становится практически невыносимым, но никто из нас не желает оставаться без некоего подобия безопасности, которое дарит его свечение. Даже между взрывами смеха наши взгляды устремляются к мерцающим теням на границах пламени. Сегодня в воздухе витает запах жасмина — аромат волшебства. Я помню, как он прилипал к коже моей матери, сколько бы она ни умывалась.

С самого детства мы с Делией игнорировали правила. Наступали в кольца из поганок, оставляли молоко и мед на опушке леса, привязывали ленточки к боярышнику. Мы позволяли Народцу поймать нас.

Но Народец либо не существует, либо их пугает наша дерзость. По крайней мере, так считает Делия.

Разница между нами в том, что я видела. Я *знаю*, что подобное происходит гораздо чаще, чем, вероятно, что-либо другое в этом городе. Это заставляет меня задуматься, но не подавляет интерес, как хотелось бы. Я почти настолько же испорчена, как и она. Но проблема Делии в том, что она не очень верит в Народец. Полуверие — вот что приводит к неприятностям. Неверующие даже не стремятся вдаваться в подробности, а те, кто, как и я, верит, помешаны на правилах, которым должны следовать. Полуверие будто наполняет тебя смелостью мечтать и не приносит никакой пользы от заученных назидательных историй.

Делия скользит вокруг костра, ее смуглая кожа переливается золотом в пламени. Моя кухня, Элли, раздраженно фыркает на камне рядом со мной.

— Да ты только посмотри на нее. Просто идеальная хозяйка. Она что, думает, мы на благотворительном вечере?

Я слегка подталкиваю ее локтем. «Веди себя хорошо», — стараюсь донести без слов. Элли с трудом вы-

носит Делию, говорит, что не хочет тратить время на пассивно-агрессивную враждебность, маскирующуюся за образом южной красавицы. Порой даже я не могу винить ее за это. Иногда Делия переходит все границы. Именно она распугала большинство моих бывших — парней и девушек, — хотя такое поведение было не столько связано с ними, сколько в ее собственных замашках. Ей плевать, что я би, в отличие от значительной части населения Стиллуотера. Делию не назовешь хорошим другом, но и плохой ее не назвать. Это маленький город. Когда выбор невелик, тебе приходится быть менее разборчивым.

Я поправляю свою выцветшую футболку с «Зигги Стардастом», которая внезапно кажется мне совершенно неуместной, когда Делия приближается к нам в своем безупречном летнем платье миди зеленого цвета. Очаровательная, как и всегда. Она осматривает меня с ног до головы. Ее хмурый взгляд замирает на моих непокорных кудрях. Делия ненавидит, когда я собираю их в пучок на макушке, но в лицо мне этого не высказывает. Ну разумеется. С ее стороны это было бы слишком грубо. А Делия никогда не *грубит*. Как утверждает она сама — не забывая при этом с жалостливым видом похлопывать меня по плечу, — мама достойно ее воспитала. Научила готовить запеканку, чтобы потом не стыдно было угощать соседей, научила разбираться в правилах поведения на светских раутах. А моей матери, которая показала бы мне, как укладывать волосы, рядом не было. Делия и раньше упоминала об этом, после всегда добавляя «Благослови, Господь, твою душу».

И даже если безупречные манеры не позволяют ей комментировать наш внешний вид, Делия все же презрительно приподнимает бровь, поглядывая на чер-

ную балетную пачку Элли со специально изрезанным подолом, и протягивает мне непочатую бутылку алкогольного коктейля, которую прихватила из общего холодильника. Элли целиком и полностью принадлежит себе, надевая хоть и симпатичные, но громоздкие армейские ботинки — единственную стоящую вещь в ее гардеробе. Она так одевается не для того, чтобы кого-то впечатлить, а Делия не из тех, кто приветствует столь агрессивное проявление собственного «Я».

Элли замечает пристальное внимание, направленное на нее, и ухмыляется.

— Привет, Корди, — произносит она и поднимается, чтобы отправиться на поиски людей, которые нравятся ей чуточку больше, чем Делия. Я хочу попросить ее быть осторожной, но вряд ли она оценит мой порыв. Она никогда не вникала в суть преданий так же сильно, как я, но Эль по крайней мере знала правила. И видела, что произошло с моей матерью. Ей не нужно лишнее напоминание об этом.

Делия вздыхает и протягивает мне руку, растянув губы в холодной усмешке.

— Ненавижу это прозвище, — шепчет она, поджав губы.

Бросаю на нее сочувствующий взгляд и самостоятельно поднимаюсь, игнорируя протянутую руку. Я знаю ее достаточно долго, чтобы замечать разницу между вежливым жестом и настоящим предложением помощи. Последнее я встречала в исключительных случаях и, как правило, помимо ее воли. Когда я встаю, она обхватывает меня за плечи и увлекает за собой к огню.

— Где ты пропадала, Фэй? — возмущается она, тыча костлявым пальцем в мой бок так сильно, что я вздрагиваю.

Я потираю свои ребра, прежде чем ответить ей:

— Просто пытаюсь подготовиться к большому пути.

Большой путь. Это ее слова. *Как бы не так.* Всего в часе езды от города на побережье Джорджии. Он едва ли больше Стиллуотера. Единственное его достоинство в том, что там есть и муниципальный колледж, и кинотеатр. В нашем родном городе нет ни того, ни другого.

Она кивает, и по выражению ее лица заметно, что она совсем меня не слушает, выжидает, когда я закончу говорить, чтобы продолжить самой. Ее взгляд направлен на край поляны, где тени сгущаются над застывшими там фигурами. Делия решительно тянет нас в том направлении.

Обычно, стоит мне заикнуться о колледже, как Делия тут же преображается. Колледж Брейдентона — ее фаворит. Она в восторге от самого места и от мысли, что мы будем соседками по комнате. Я думаю, что она уже записала нас в сестринство, в котором состояла ее мать. Хотелось бы и мне испытывать такое же воодушевление, как у нее. Будь у меня выбор, то после выпускного я сразу бы уехала в любой колледж, находящийся подальше отсюда. Письмо о зачислении в Нью-Йоркский университет, которое я запихнула поглубже на верхней полке шкафа, все еще манит меня, словно песнь сирены. Грэн воспитывала меня с Элли в одиночку, и у нее не так много средств, чтобы потратить их на колледж. В этом нет ее вины. Просто у нас нет денег, которые потребовались бы, чтобы покинуть этот город.

Я передегиваю плечами. Клянусь, не понимаю, что творится со мной в последнее время. Моя кожа кажется слишком натянутой, как будто что-то изнутри разрывает меня на части. Ощущение продолжает разрас-

таться, проникает под кожу, постоянно напоминая о себе.

Мы проходим мимо троих футболистов, потягивающих теплое пиво, которое они принесли в своих рюкзаках. Кэл, тупой полузащитник, который большую часть наших школьных лет твердил мне, чтобы я «выбрала сторону», открыто пялится на Делию. Я испытываю чувство самоудовлетворения от мысли, что сегодня он не удостоится ее внимания.

Я не сразу понимаю, что привлекло внимание Делии, вместо того чтобы воспользоваться представившейся возможностью и еще раз согласовать, какую мебель мы берем с собой. Фигуры, притаившиеся в отблесках костра, — чужаки, и Делия ведет нас прямо к ним. Тени пляшут по их телам, скрывая лица. Но две фигуры определенно мужские, а улыбка Делии подобна хищному оскалу, но она, кажется, этого даже не осознает.

Чужаки должны были заставить ее насторожиться, стать для нее предупредительным звоночком. Я тоже должна чувствовать нечто подобное. И, признаюсь, в глубине моего сознания, словно предостережение, маячит осунувшееся лицо моей матери, но я всю свою жизнь прожила по эту сторону завесы и ни разу не сталкивалась с фейри. Что-то в Делии заставляет меня быть беспечной, какой я всегда хотела быть. Может быть, поэтому мы никогда с ней не разлучались. В городе людей, которые знают о существовании Народца, но лишний раз не высовываются, мы с ней всегда были теми, кто хотел действовать — найти достойную историю, чтобы ее потом рассказать, чтобы ее прожить.

Она незаметно подкрадывается к ним, покачивая бедрами. Я не отхожу от нее ни на шаг. Меня всю колотит от напряжения. Не похоже, чтобы она сама при-

меряла эти ленточки к деревьям. Кто-то должен был погуглить, как выглядит боярышник.

Она незаметно поправляет бюстгальтер с эффектом пуш-ап.

— Как я выгляжу?

— Ты всегда отлично выглядишь и знаешь об этом, — отвечаю. Выделенные скулы, изящное стройное тело, ноги от ушей. Делия — мечта любой матери, желающей, чтобы ее дочь стала победительницей конкурса красоты.

— Приветик, — говорит она, всем своим видом демонстрируя южное обаяние. Я отпускаю ее руку, когда Делия перемещается в тень и встает рядом с незнакомцами, а я на мгновение замираю в нерешительности. Делия поворачивается ко мне, надув свои накрашенные темно-красной помадой губы, и этого хватает, чтобы пошатнуть мою неуверенность и заставить сделать решающий шаг в темноту. Сомневаюсь, конечно, что спустя столько времени кто-то из Народца будет отплясывать на школьной вечеринке и...

Мое сердце гулко колотится в груди, когда мне наконец удается как следует разглядеть их лица в отблесках пламени.

Проблема не в том, насколько они красивы. О, *звезды небесные*, они прекрасны. Тот, что стоит ближе всего к Делии, похож на греческого бога, сошедшего с небес на землю. Его золотистая кожа и бронзовые волосы излучают мягкое сияние даже в темноте, а на полных, изогнутых губах играет манящая улыбка. В васильково-синих глазах таится насмешливый блеск.

Его спутник, который выше почти на целую голову, судя по взгляду, не кажется взволнованным нашим появлением. Он притягательно опасный, с острыми ску-

лами и тяжелым взглядом. «Красив, как сам грех», — сказала бы Грэн.

Нет, они не просто красивы. Они *чудовищно* красивы. Я чувствую, как от них волнами исходит магия. В воздухе витает цветочный аромат — явное предупреждение. Волосы на затылке шевелятся. Делия дразнит и проводит пальцем по белому рукаву греческого бога.

— Я вас, мальчики, здесь раньше не видела, — говорит она, одаривая их своей ослепительной улыбкой младшей мисс Стиллуотер.

Пот струится по моей спине, пока я пытаюсь понять, что задумала Делия. Неужели она не понимает, кто они такие? Неужели не *чувствует*? Все реально. Они настоящие, действительно настоящие. Возбуждение опьяняет сильнее любого напитка из холодильника Делии. Мы сделали это. Мы наконец-то нашли их. Или... правильней сказать, они нашли нас.

Второй незнакомец заговаривает, и его темные волосы спадают на глаза, когда он осматривает меня с головы до ног.

— Кажется, я тебя знаю, — сообщает он. На мгновение мое волнение утихает от его едкого тона.

— Хм, — выдавливаю из себя, не зная, что еще ответить. Я не очень-то привыкла общаться с бессмертными созданиями, особенно с теми, кто явно раздражен моим присутствием. Я совершенно не понимаю, чем могла насолить этому великолепному созданию, даже если мой длинный язык часто доставлял мне неприятности. — Я живу здесь всю свою жизнь. Думаю, я запомнила бы тебя, если бы мы встречались раньше.

Золотоволосый широко усмехается.

— Мы живем... неподалеку. — Он плечом задевает своего спутника. Я замечаю не только это движение, но

и взгляд, которым они обменялись друг с другом. — Не обращай внимания на Гейджа. Может быть, мы знакомы с твоими родителями.

С моими родителями? С моей *матерью*. От ужаса в моем желудке разверзлась леденящая пустота. Это жестокое напоминание о неизбежной оплате за обнаруженную нами магию, и последние крохи моего томительного волнения испаряются. Никогда не думала, что окажусь так близко к ним, а смотря на Делию, понимаю, что она ни о чем не догадывается. Черт, судя по тому, как заворуженно она смотрит на них, ее, возможно, даже околдовали. Черт. *Черт*. Мне хочется встряхнуть ее за плечи. «*Миссия отменяется, идиотка!*»

Нам нужно убираться отсюда. Я дергаю Делию за руку, но та отмахивается от меня.

Золотоволосый это замечает. Что-то в его свирепом выражении лица напоминает мне, что некоторые животные могут учуять страх. Я вытираю ладони о джинсы.

— Как, ты говоришь, тебя зовут? — спрашивает он.

— А я не говорила, — отвечаю я, хотя должна держать язык за зубами. Имена обладают силой. Назвать свое имя — все равно что подчиниться. По крайней мере, так я могу защитить себя.

Но я не учла южную вежливость.

— Фэйлинн, — укоряет Делия. — Клянусь, я не могу никуда ее взять, — смеясь, сообщает она им, будто не знает, как *опасно* выдавать свои имена. Я могла бы прямо сейчас вцепиться в ее идеальные волнистые волосы. Несмотря на изнуряющую жару, по моему позвоночнику пробегает дрожь неподдельного страха. «*Ради бога, Делия, перестань хлопать глазками и сосредоточься*».

Золотоволосый протягивает мне руку.

— Можешь звать меня Келлан. — Он продолжает протягивать ладонь, поэтому я неохотно пожимаю ее. Пальцы пронзают разряды статического электричества, когда мы соприкасаемся, а мысли в моей голове начинают путаться. Сквозь туман вижу, как он бросает торжествующий взгляд на Гейджа, который смотрит на меня так, будто у меня только что выросла лишняя конечность.

Я даже не притворяюсь удивленной, когда Делия протягивает ему свою руку, почти по-королевски, и называет свое полное имя:

— Корделия.

— Корделия, — Келлан растягивает ее имя. — Очаровательно.

Он слегка наклоняется и целомудренно целует тыльную сторону ее руки. И не отпускает ее, когда поднимает взгляд на меня.

— Корделия, — повторяет он. — Фэйлинн, не могла бы ты...

— Фэй, — выпаливаю я. — Просто Фэй. Делия, не пора ли нам вернуться к остальным?

Ее лицо, повернутое к Келлану, выглядит как-то размыто.

— Зачем? — спрашивает она, ее голос хриплый, а южный акцент усиливается.

— Верно, Корделия. — Келлан смотрит на нее как на свою лучшую ученицу, а затем снова поворачивается ко мне. — Не хочешь ли ты пойти с нами?

Я чуть не рассмеялась. *Хотела бы я?* В том-то и проблема. Я очень хочу, но знаю, к чему может привести подобное желание.

Но, глядя в эти глаза, я не могу солгать.

— Да, — шепчу я, и даже мое дыхание выдает меня. *Нет*, я должна кричать. Должна найти Эль и убраться отсюда к чертям собачьим, прихватив Делию с собой, если придется.

Гейдж еще раз окидывает меня взглядом, а затем исчезает среди деревьев. Келлан берет Делию за руку, чтобы та следовала за ним. Оглянувшись, я вижу, что вечеринка в самом разгаре, а лица присутствующих словно намеренно обращены в противоположную от нас сторону. Но либо никто не замечает, либо просто не хочет вмешиваться в игры Народца. Если не последую за ней сейчас, то Делия может навсегда ускользнуть в бархатной темноте ночи.

Я могу отпустить ее, зная, что больше ни я, ни другие жители нашего города никогда не увидим ее вновь. Могу остаться здесь, в безопасности, и вечно гадать, что происходит за той завесой. Но я бы... *завидовала*. Как бы ужасно ни звучало, именно эта эгоистичная мысль заставляет меня переставлять ноги. «Я ведь знаю правила, — рассуждаю про себя. — Я смогу спасти нас». Единственное, на что сейчас я, терзаемая навязчивой мыслью, способна, — это пойти за ними.

Все росли на каких-то историях, правда, сомневаюсь, что они хоть как-то похожи на те, которые нам рассказывают в Стиллуотере. Истории о существах, которые заключают сделки, воют в темноте, танцуют и крадут твою молодость за одну ночь. Истории о подменшах, о похищениях. Искаженные временем истории, и нужно постараться, чтобы добраться до истины. Истоки этих мифов простираются далеко, через бес-